

Т.Г. Шубина

ЛЕН В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ВЕРОВАНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Лен является одной из древнейших технических культур, возделываемых человеком. Семена льна найдены на южном берегу Средиземного моря, в Фаюме, в слоях, уходящих в историческую глубину на 5 тыс. лет до н.э. Льняные ткани изготавливали в Древнем Египте додинастического периода¹.

На Русской равнине лен культивировался еще во II тыс. до н.э. так называемыми племенами лесной зоны, т.е. до появления славян². «В диком виде лен растет в южнорусских степях, где он мог быть использован как масляничное и волокнистое растение еще до начала земледелия», – предполагала Н.И. Лебедева³. Как известно, всякий технологический процесс мифологически осмыслился древним человеком, и надо полагать, что славяне, пришедшие в Восточную Европу во второй половине I тыс. н.э., принесли с собой не только собственные разновидности льна и навыки возделывания его, но и комплекс связанных с ним верований и обрядов, сложившихся к этому времени.

На севере, а особенно на северо-западе Русской равнины, природные условия наиболее комфортны для льна. Его вегетации способствует сочетание длинного светового дня, тепла и влажности в первых два летних месяца. Заморозки не только не вредят льну, но даже улучшают качество волокна⁴. Эти факты легли в основу теории, согласно которой прародина льна – Северная Европа третичной эпохи⁵.

Возделывание льна у восточных славян сопровождалось комплексом обрядовых действий и поверий, имевших разное назначение. Одни из них были направлены на выращивание чистого льна, не забитого сорняками. На Псковщине в рождественскую коляду женщины обязательно должны были печь блины: по поверью, если этого не сделать, то посевы льна в новом году зарастут «повилицей»⁶. В Витебской губ. на Рождество и Крещение старались чище вымести избу: считалось, что это способствует урожаю хорошего, чистого льна⁷.

Другие действия производились «на долгий лен», т.е. должны были способствовать его росту. Начало их совпало с древним началом нового года – границей зимы и весны. Приурочены они были к прощеному воскресенью – последнему дню Масленицы. В основе этих действий лежала магия подобия: чем больше путь, который пройдут или проедут участники обряда, тем длиннее будет в этом году лен. Вариантов этого обряда немало, упомянем некоторые: катание женщин с гор – на ногах или стоя на донцах прялок⁸; катание с гор детей на санях; ритуальная езда на лошадях, запряженных в сани, по деревне, вокруг нее или с заездом в другие деревни. Следует остановиться на некоторых моментах этого обряда. На Псковщине дети просят: «Дед, пакатай нас! Запрягай коня, пакатай нас! – Запрягу, только кричите, чтоб лен длинный вырос. – Дед Гриша, чтоб тебе лен дли-и-нный – длинный вырос! Кричат артелей – мальчаныты, дявчаты сабравши там, ребята. Хоть и старые ввалются в дровни вместе и катаются... Далеко везуть!»⁹.

В Костромской губ. в прощенное воскресенье до четырех часов дня женщины, «закрытые наметками», трижды объезжали вокруг деревни¹⁰. В Псковской губ. ездили с чучелом Масленицы, одетым в костюм молодухи. На санях укрепляли столб с насаженным на него колесом, на колесо помещали чучело, которое обвешивали соломой, сковородами, даже блинами; в числе атрибутов фигурировали и пучки льна¹¹.

Сеяние льна сопровождалось разнообразными действиями, направленными на передачу силы человека земле, на то, чтобы не спугнуть удачу, «спор» при севе. На Украине благоприятными днями для сева считались вторник, среда, пятница; фаза

луны – полнолуние; время суток – до восхода солнца и первая половина дня¹². Прежде всего от сеятеля требовалась ритуальная чистота; одежда должна быть белой и чистой¹³. Подготовку и выезд в поле сопровождали различные запреты: например, во время сева полагалось хранить молчание, домашним в некоторых случаях нельзя было садиться, чтобы лен вырос высоким, «не осел»¹⁴. Обязательный атрибут сеятеля – одно или несколько пасхальных яиц, положенных хозяйкой в «севалку». Яйца сеятель съедал на поле, а скорлупу разбрасывал по земле. При севе на «Олену – длинные льны» яйца подбрасывали, чтобы лен вырос высоким¹⁵. Считалось также, что льняное семя перед севом следует хранить в штанах для передачи ему силы плодородия¹⁶.

В белорусском варианте обряда присутствует и магия подобия: лен сеяли из фартука, изготовленного из хорошего беленого холста, чтобы новый лен был так же бел и тонок. Подобные действия производились и с коноплей¹⁷.

Практиковалось также «обманывание» льна. На день св. Елены при посеве льна женщина раздевалась донага, «в том расчете, что лен, глядя на ее наготу, сжалится над ней, подумает: "Эта баба бедная – у нее даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть ее и получишь уродиться"»¹⁸. Первоначальный же смысл этого обряда – передача сеятелем своей силы плодородия земле.

В Белоруссии сохранилось поверье, в котором прослеживается определенная связь культа льна с культом бога-громовника. Чтобы вырастить хороший урожай, при первом громе следовало поворошить семена льна. Сев льна на день св. Юрия (Георгия) считался благоприятным, поскольку, по поверьям, св. Юрию (Георгию) нужны веревки, чтобы вязать дьявола¹⁹.

Со льном у восточных славян связана и другая группа представлений. Льняное семя повсеместно считалось сильным оберегом от колдовства. Семена клали в обувь жениху и невесте перед их отъездом в церковь на обряд венчания²⁰. Украинская быличка повествует о том, каким образом женщина дважды спаслась от «ведьмаря»: в первый раз – спрятавшись в льняном поле, во второй – обведя себя магическим кругом из семян льна²¹.

У белорусов Витебской губ. льняное волокно использовалось в контагиозной магии. В последний день мясопуста после ужина хозяйка чесала повесмо льна, хозяин вытирал тарелку куском хлеба, затем хозяева шли в хлев и там кормили животных хлебом и гладили их повесмом, чтобы они были гладкими. Такой же обряд совершался над телятами в канун Крещенья²².

Лен-полуфабрикат фигурирует в качестве оберега в быличке, записанной на Псковщине. Особый интерес в данном случае представляет то, что вязка льна спасает девушек, отвлекая их преследователей-«нечистых» рассказом о процессе обработки льна: «Послушайте, какую я муку терплю. Вот меня перво начали в землю бросать. Потом начали за волосья таскать. Потом срезали с меня голову, бросили меня в воду. Потом вытягивали с воды, начали меня трясти. Я лежал на земле против солнца. Потом начали меня суком пороть»²³.

Подобная ситуация описывается и в другой быличке, где девушка-сирота поспорила на Святки, что возьмет колосник из овина. «Только за колосник – цап ее за руку! "Стой, девушка, чтой-то на овине сидит?" – "Лен". – "А как этот лен работают?" И стала йона ему, шуту, указывать: "Вот придет весна, станут землю пахать, пашут долго-долго... Ну, успашут... тогда заборонуют... боронуют долго-долго..." (Это она нарочно тянет, чтобы уремя протянуть)...». Далее в таком же духе описывается весь процесс обработки льна вплоть до прядения, ткачества и шитья одежды²⁴. Здесь в качестве оберега выступает уже не отдельный предмет – лен на корню, волокно-полуфабрикат, нить или холст; охранительными функциями наделяется сам комплекс действий со льном, технологический процесс в целом.

Отходы обработки льна (кострика) также служили оберегом от нечистой силы. Кострику свозили на лесные дороги, особенно в низменные болотистые места, и разбрасывали там. Магическое обоснование этих действий – нечисть боится кострики

и перестает «водить» людей на месте, где она рассыпана. Рациональный смысл – замостить болотистое место и одновременно освободить деревню от отходов, которые накапливались после ежегодной трепли льна.

Но известны поверья, в которых кострика выступает в иной роли. Строго запрещалось проводить работы со льном в поминальные дни, например в родительскую субботу перед Троицей и Масленицей, чтобы кострика не засорила глаза предкам²⁵.

Еще одна группа поверий отражает представление, что лешие и русалки могут похитить лен или его продукты для использования их себе на одежду в случаях неправильного поведения людей, нарушения ими тех или иных запретов. Запрещалось, например, свистеть во время сева льна: «Свист может привлечь леших: им тоже нужна одежда и поэтому они могут украсть лен»²⁶. Русалки крадут кудель, нитки и холсты, оставленные без благословения²⁷. Вот одна из семицких песен: «У ворот береза/ Зелена стояла/ Зелена стояла/ Ветьгиком махала/ На той на березе/ Русалка сидела/ Русалка сидела/ Рубахи просила: "Девки, молодухи/ Дайте мне рубахи!/ Хоть худым-худеньку/ Да белым-беленьку!"»²⁸.

По поверьям, русалкам ведомо будущее, оно в пределах их мира и власти. В Тамбовской губ. накануне Петровского поста парни и молодые мужики рядились в мешковину и, спрятавшись во ржи с кнутами, хлопали зазевавшихся женщин и девушек. На вопрос баб, каков уродится лен, «русалки» указывали на длину кнута, «вызывая бабы выкрики: "Ох, умильные русалочки, какой хороший!"»²⁹.

Лен был объектом и других гаданий, в том числе проводившихся в середине Великого поста. Основной обычай на средокрестье – приготовление обрядового печенья в форме крестов. В кресты из теста запекали копейку, лучинку, прядку льна. Копейка означала богатство, лучинка – смерть. А тот из членов семьи, у кого оказывался крест со льном, получал семена льна для посева. На деньги, вырученные от его продажи, можно было посеять «собину»³⁰, т.е. небольшое поле льна, что особенно важно было для женщин и девушек, не обладавших равными с мужчинами имущественными правами в семье.

В Вологодской губ. были распространены девичьи гаданья о женихах по кудели. Их устраивали на посиделках-«беседах», чаще на Святки. Например, из прядок льна делали клетки и поджигали их, причем каждая прядка обозначала девушку: чья прядка сгорит раньше, та девушка раньше выйдет замуж³¹. Другое гаданье: парень собирал у присутствовавших девушек по клочку кудели и сжигал скатанный из волокна «городок». По тому, как он горел, судили, придут ли на беседу парни-чужаки: если пепел взлетал к потолку, это был знак, что гаданье сбудется³².

Для гаданий использовалось и льняное семя: на день Андрея Первозванного или в пятую неделю Великого поста, когда в храме читается канон Андрея Критского, белорусские и украинские девушки сеяли лен на дороге, в лесах на подсеках, надеясь увидеть во сне суженого³³, который должен прийти и забрать этот лен.

Многочисленные данные фольклора позволяют реконструировать восточнославянские народные представления, в которых лен выступает как живое существо. Обратимся сначала к загадкам: «Мал-малочек (Малышок) в сыру землю зашел, синю шапку нашел (лен)»; «Сам жилистый, ножки глиняны, головка масляна (лен, конопля)»³⁴. Загадки об обработке, использовании льна: «Голову едят, тело бросают, а кожу носят»³⁵; «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царем посадили»³⁶. Последняя загадка перекликается с приведенной выше быличкой, в которой говорится о льне, терпящем «муку». По этим примерам восстанавливается «жизненный путь» мифологического персонажа, принадлежащего к обширной группе умирающих – воскресающих божеств растительности. Пройдя серию последовательных превращений, этот персонаж приобретает сравнительно с исходным состоянием гораздо более высокий статус. «Портретные черты» льна – эпитеты, которыми он наделяется в песнях: «тонок, долог и высок», «бел-кудрявой». Другие свойства – чистота и гладкость – могут быть магически перенесены на скот, для скота они – внешние признаки здоровья.

Сеять лен могли и женщины, и мужчины, а все дальнейшие работы с ним вплоть до прядения и ткачества производились женщинами (исключение здесь – отделение головок льна от стебля, замачивание льняной тресты и появление во второй половине XIX в. в некоторых губерниях России, в частности в Псковской, отхожего промысла – трепли льна на небольших предприятиях). Этапы вегетации льна ассоциировались с этапами жизни женщины. Волокно льна находит аналогию с волосами – девичьей красотой. Густота волос в данном контексте увязывалась с плодородием земли, урожаем льна, а также со способностью девушки в будущем иметь детей. Эти мотивы подробно освещены в статье Н.И. Гаген-Торн, посвященной магическому значению волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы³⁷. В свадебной песне «на плетение косы» (Пермская обл.) находим такой текст:

Семена вы, семена,	Много вас уродилось,
Семена голубиные,	Вас два поля, два чистые,
Вас немножечко насеяно,	Два раздоля широкие.

Невеста поет, что утром ей заплели косу подруженьки, а вечером расплели и разделили надвос свашеньки³⁸.

В игровом фольклоре тема «лен – женщина» имеет множество оттенков. Для нас представляют интерес следующие моменты. В песнях описывается лен зеленый, т.е. незрелый, неготовый для уборки. Сравните с обычным уклончивым ответом родителей девушки сватам: «Наша невеста еще не на возрасте»³⁹. Зеленый лен также рассматривался в песне как девичья воля:

Гаварил/ы/ мне зяленая лен, гаварил/ы/ мне зяленая лен,
 И ле дароженьки стоеча, ле дароженьки стоеча:
 – И рана, рана миня выд/ы/рали, ой, рана, рана миня выдрали/й/,
 И да ни дали мне вырости, ой, ды не дали мне вырости/й/,
 И синим цветиком выцвести, ой, синим цветиком выцвести.
 И гаварили /а/ мне девочки, ой, гаварили /а/ мне красныи:
 – И рана, рана нас замуж вотдали, ой, да ни дали нам вырасти/й/,
 И красным девушкам пагулять, красным девушкам пагулять⁴⁰.

В то же время в «яринской» песне, которую исполняли, когда убирали лен, проводится другая параллель:

/И/ да хвалиуся лен-зялен, да хвалиуся лен-зелен, пра дароги стая ён:
 Кали мене ня вырвитя, кали мене ня вырвитя, я ж и сам павалюся,
 Я ж и сам павалюся, ой, я ж и сам павалюся, на дарожки растелюся.
 Хвалилася ж да Зиначка, хвалилася ж да/й/ Зиначка: Кали замуж ня выдастя,
 Кали замуж ня выдастя, кали замуж ня выдастя, я ж и сама замуж пайду,
 Я й сама замуж пайду, я й сама замуж пайду, у палки ни спрашуся ж я⁴¹.

Лен – воля, краса девичья, может подвергнуться опасности – быть сорванным:

Посяяли девки лен,	Повадился во ленок,
Посяяли девки лен,	Молоденький паренек,
Живо-браво, девки лен,	Со льна цветы сорывал,
Девки лен, девки лен!	В Дунай-речку побросал,
Посяяли во долы.	Дунай-речка не берет
На желтые на пески.	Ко бережку цветы жмет... ⁴²

Река не принимает дар легкомысленного парня, возможно, потому, что существовал суровый запрет обрывать головки растущего льна⁴³.

Другая группа игровых песен, внешне связанная с обучением девушки хозяйственной деятельности, является по существу описанием ее взросления и подготовки к замужеству. Это диалог матери и дочери; в нем прослеживается весь процесс работы со льном – от сеяния до ткачества, которое становится основным занятием девушки на выданье и замужней женщины:

Научи-ка меня, мати,	Научи-ка меня, мати,
Как леночек сеяти.	Как леночек рвати.
Вот так, дочи, вот так, мила,	Вот так, дочи, вот так мила,
Вот так его сеяти.	Так его и рвати... ⁴⁴

Следующий этап обработки льна – изготовление кудели. Это лен-полуфабрикат – уже не растение, но еще и не конечный продукт (нить, ткань). В обрядах и обрядовом фольклоре кудель ассоциируется с волосами девушки на выданье, невесты, которые вскоре должны быть покрыты женским головным убором.

В Ярославской губ. просватанной девушке ее подруги готовили «девью красоту» – елочку, украшенную лентами, вылепленным из теста гнездом с птичкой, а также косой из кудели. «Девью красоту» прикрепляли к красному углу дома с внешней стороны. Косу из кудели могли привязать к «телефону» – веревке, протянутой от дома жениха к дому невесты⁴⁵.

В Новгородской губ. невеста приносила косу из кудели на девичник и сжигала ее⁴⁶, что вполне согласуется с обычаем подпалывать концы волос невесте и жениху⁴⁷. Такую косу в Белоруссии привязывали на могиле девушки⁴⁸. Чтобы девушки не засиделись в невестах и в следующем году вышли замуж, в Тверской губ. под Новый год выбрасывали лен из риг⁴⁹.

Тема льна развивается и в песнях, которые рассказывают о жизни женщины на первом году замужества. Вот «толочная» песня из Псковской обл.:

На гары лен, на гары лен, бел-кудрявой, бел-кудрявой,
Не с кем встати, не с кем /ы/ встати ленку брати, ленку брати,
Свекар кажа/ть/, свекар /ы/ кажать, я с табою, я с табою,
Вот не браннё, вот не браннё/й/ – гареваннё, гареваннё...

Однако с милым «браннё-радованнё»⁵⁰.

Лен, заросший «повилицей», – ленивая молодуха. В одной из масленичных песен поочередно высмеиваются все молодухи, вышедшие замуж в мясоед перед Масленицей:

У нас на горычке лен посеен, лен посеен, душа, лен посеен,
А ва льну трава-павелица, павелица душа, павелица,
А у Леши жена – кабылица, кабылица, душа, кабылица,
А ана сыпит-ляжить, што ласица, што ласица, душа, што ласица,
И в ёй работушка не спаритца, не спаритца, душа, не спаритца,
И все с ручушк в ёй валитца, все валитца, душа, все валитца...⁵¹.

Раннее и неудачное замужество стало темой жнивной песни:

Ай, радна, не рад/ы/на, на лен/ы/ раса пала, раса пала,
На лен раса пала, раса халадная, халадная,
А мне, млади, тепла ат лихова съвекра и ат свякровки,
Сздай, божа, тучу, с-за темньва лесу, сздай, божа!
Штоб лихова съвекра громам бы убила, сздай, божа!...⁵².

Итак, лен на корню, лен растущий – символ девушки, существа еще относительно свободного. Лен, готовый к обработке, – символ замужней женщины, которой надлежит достойно войти в новую семью.

В христианскую эпоху покровительницей женщин стала Параскева Пятница, именуемая в народе также Льяницей. Поклонение Параскеве, на которую, как неоднократно отмечалось, были перенесены черты древней богини Мокоси, у восточных славян имеет некоторые локальные особенности. Например, на севере России, а также в юго-западных губерниях она считалась покровительницей торговли: в пятницу устраивались ярмарки. Во многих местах иконки Параскевы-Пятницы ставили в поле на перекрестке дорог. Общими для всех восточных славян могут считаться такие черты культа Параскевы, как покровительство женским работам – обработке волокнистых материалов (льна, конопли, шерсти), прядению и ткачеству; связь с водой, особенно с естественными источниками и колодцами; покровительство девушкам и женщинам в различных случаях жизни, которое выражалось в запретах на следующие виды работы в пятницу: обработку волокна; проведение работ с использованием воды (мытьё полов, стирка, кипячение белья в золе, купание детей, устройство бани); беременным запрещалось работать вообще⁵³.

Желательно было также поститься по пятницам для избавления от различных напастей, для здоровья, а девушкам – чтобы выйти замуж⁵⁴. По апокрифическому «Поучению, иже во святых отца нашего Климента, папы Римского о двенадцатипятницах» особенно важными считались соблюдение поста и воздержание от интимных отношений в «заветные» двенадцать пятниц. По поверьям, зачатый в эти дни ребенок непременно должен стать вором, уродом или разбойником⁵⁵. Как видно, с днями почитания Пятницы связано строгое требование ритуальной чистоты. Вычесанную льняную кудель привешивали к иконе Параскевы⁵⁶.

Связь волокнистых веществ и волос с культом Параскевы прослеживается и в обычаях, засвидетельствованных «Стоглавом»: в нем упоминаются нагие и босые лжепророки, мужики и женки, которые с распущенными волосами обходят погосты, наставляя верующих, как почитать Параскеву и какие заповеди хранить⁵⁷.

Многие из вышеописанных обрядов проводились не только со льном, но и с семенами и волокнами конопли. Обряды и обрядовый фольклор, связанные со льном и с коноплей, часто пересекаются. Есть ли различия в отношении восточных славян ко льну и конопле в их обрядовой роли?

По мнению Т.А. Бернштам, с коноплей в игровом фольклоре связаны греховные ассоциации⁵⁸. Однако, во-первых, известны сюжеты игровых песен, в которых лен оказывается «повалён», во льну «три дорожки пролегло – три молодца пробегло»; во-вторых, льняное и конопляное семена дублируют друг друга в качестве оберегов, девичьих гадательных средств⁵⁹. В этой связи, вероятно, имеет смысл проследить, какая роль отводится льну и конопле в локальных вариантах восточнославянской фольклорной традиции. Полагаю, что определенное значение в каждом конкретном случае может иметь и производственная сторона дела. К примеру, на юге России конопля была нередко основным растительным сырьем для изготовления одежды; на Русском Севере ткали по большей части льняное полотно, а конопля использовалась как материал для веревок и рыболовных снастей⁶⁰.

Итак, можно выделить следующие группы верований и обрядов восточных славян, связанных со льном:

а) процесс возделывания льна у восточных славян сопровождался комплексом магических действий, начиная с превентивных мер, цель которых – способствовать будущему урожаю, и кончая обрядами, проводившимися непосредственно перед севом и во время сева;

б) в народных верованиях лен выступает как живое существо; его вегетация и переработка волокон осмысляются как путь превращений, приводящих к возрождению в новом облике. В ходе этих изменений последовательно выстраивается и усложняется структура материала: от льняной тресты – к кудели, от кудели – к нити, от нити – к ткани. Поэтому лен широко использовался как оберег от нечисти – хаотических разрушительных сил;

в) обработкой льна женщина занималась с ранней юности до старости. В песенном и игровом фольклоре вегетация льна ассоциируется с этапами взросления девушки, а уборка урожая – с выходом замуж. Сквозная тема обеих групп сюжетов – своевременность перехода из одного состояния в другое как для растения, так и для человека;

г) покровительство женским занятиям, особенно обработке растительного и животного волокна, помощь девушкам и женщинам в различных жизненных ситуациях входили в число функций Параскевы-Пятницы, культ которой был широко распространен на всей территории расселения восточных славян.

Примечания

¹ Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит–неолит. Л., 1983. С. 91, 95.

² Брюсов А.А. «Сетчатая керамика» // Сов. археология. 1950. № 14. С. 287–288, 298.

³ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский

этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXXL (далее – ТИЭ). М., 1956. С. 465.

⁴ *Васильев И.И.* Лен и Псковская губерния. Псков, 1872. С. 51–53.

⁵ *Сизов И.А.* К истории льноводства в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. М.; Л., 1956. С. 402 и сл.

⁶ *Копаневич И.К.* Рождественские святки и сопровождающие их народные игры и развлечения в Псковской губернии. Псков, 1896. С. 4.

⁷ Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский (далее – *Никифоровский Н.Я.*). Витебск, 1897. С. 223. № 1751; С. 232. № 1821.

⁸ Там же. С. 238. № 1873; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX–начало XX в. М., 1979. С. 43–44.

⁹ Песни Псковской земли. Вып. I. Календарно-обрядовые песни. Л., 1989. С. 17.

¹⁰ Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985. С. 28. № 157.

¹¹ *Копаневич И.К.* Как проводится Масленица в Псковской губернии. Псков, 1903. С. 6.

¹² *Боряк Е.А.* Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 7–8.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же; *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 109–110. № 781–783; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 58–59.

¹⁵ *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 115–117; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 385.

¹⁶ *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Ч. I. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927. С. 24; *Маслова Г.С.* Указ. раб. С. 116.

¹⁷ *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 110. № 788.

¹⁸ *Максимов С.В.* Указ. раб. С. 385.

¹⁹ *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 110. № 785–786.

²⁰ Там же. С. 58. № 376.

²¹ *Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М.* Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 128–129.

²² *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 238. № 1874; Краткий исторический очерк Невеля и Себежа Витебской губ. Географическое, сельскохозяйственное и этнографическое описание Себежского и Невельского уездов // Памятная книжка Витебской губернии на 1888 г. Витебск, 1888. С. 53.

²³ Сказки и легенды Пушкинских мест. Записи 1927–1929 гг. Записаны в местах наблюдения и исследования В.И. Чернышева. М.; Л., 1950. С. 22–23. № 7 (АН СССР. Лит. памятники).

²⁴ Сборник великорусских сказок архива РГО. Вып. I. Издал А.М. Смирнов. Пг., 1917. № 193 (Зап. РГО по отделению этнографии. Т. XLIV); *Девичий вечер* // *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии. СПб., 1994. С. 387–388.

²⁵ *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 119. № 849; *Боряк Е.А.* Указ. раб. С. 8; также см.: *Толстой Н.И.* К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных и словесных символов и мотивов // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 52.

²⁶ *Зеленин Д.К.* Указ. раб. С. 59.

²⁷ *Максимов С.В.* Указ. раб. С. 88.

²⁸ Русская народная поэзия. Лирическая поэзия. Л., 1984. С. 159. № 244.

²⁹ *Максимов С.В.* Указ. раб. С. 379.

³⁰ Традиционные обряды... С. 42. № 242; «Собь» // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. С. 253.

³¹ Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. С. 523. № 46.

³² *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Праздничная культура Вологодского края. Ч. I. Святки и Масленица // Российский этнограф. Вып. 8. М., 1993. С. 42–43.

³³ *Крачковский Ю.Ф.* Быт западнорусского селянина. М., 1874. С. 8–9; *Зеленин Д.К.* Указ. раб. С. 59; *Никифоровский Н.Я.* Указ. раб. С. 53. № 341.

³⁴ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 959.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ *Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Сов. этнография. 1933. № 5/6. С. 81–83.

³⁸ Народные песни Пермского края. Сборник текстов. Т. I. Пермь, 1966. С. 89. № 124.

³⁹ См. замечание Т.А. Бернштам о табуировании действительной зрелости девушки (*Бернштам Т.А.*

Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 251.

⁴⁰ Песни Псковской земли... С. 263. № 444 (варианты: С. 334, 335).

⁴¹ Там же. С. 263. № 447.

⁴² Русская народная поэзия... С. 75–76. № 95.

⁴³ Никифоровский Н.Я. Указ. раб. С. 210. № 1636: «Кто от нечего делать выдергивает лен в головках, у того после смерти по лицу и телу поползут вши».

⁴⁴ Народные песни Пермского края... С. 403–404.

⁴⁵ Традиционные обряды... С. 145. № 805; С. 149. № 837.

⁴⁶ Гаген-Торн Н.И. Указ. раб. С. 81.

⁴⁷ Крачковский Ю.Ф. Указ. раб. С. 50, 53.

⁴⁸ Гаген-Торн Н.И. Указ. раб. С. 83; О параллелизме свадебной и похоронной обрядности см.: Еремينا В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. Гл. II–III.

⁴⁹ Традиционные обряды... С. 18. № 47.

⁵⁰ Песни Псковской земли... С. 162. № 175.

⁵¹ Там же. С. 67. № 63 (41).

⁵² Там же. С. 259. № 426 (343).

⁵³ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 133, № 216; Максимов С.В. Указ. раб. С. 421–425; Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 61 (ТИЭ. Т. XL).

⁵⁴ Никифоровский Н.Я. Указ. раб. С. 49. № 310; Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта // Тр. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Этнограф. отделение. Т. 30. Кн. V. Вып. I. М., 1877. С. 146.

⁵⁵ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 86–87. № 103; Максимов С.В. Указ. раб. С. 424.

⁵⁶ Максимов С.В. Указ. раб. С. 194.

⁵⁷ Стоглав. Казань. 1911. С. 87–88.

⁵⁸ Бернитам Т.А. Указ. раб. С. 247.

⁵⁹ Приведу несколько примеров (Белоруссия): девушка, желавшая иметь густые волосы, становилась среди пашни, где сеяли коноплю, и распускала волосы по плечам в надежде, что ее «запашут» коноплей (Никифоровский Н.Я. Указ. раб. С. 77. № 484); девушки, молясь Андрею Критскому, могли рассеивать на кровати как лен, так и коноплю (Крачковский Ю.Ф. Указ. раб. С. 8–9). Конопляное семя также использовалось как оберег от ведьм, отнимающих молоко у коров (Никифоровский Н.Я. Указ. раб. С. 250. №№ 1975, 1976).

⁶⁰ Лебедева Н.И. Указ. раб. С. 466.

T.G. Shubin. Flax in Ritual Folk and Beliefs of East Slavs

The article considers the complex of rituals and customs of East Slavs connected with flax growing and treatment. It is also investigated the grope of folk beliefs (superstition, fortune-telling, etc.) where flax has a symbolic sense.